

ГОРОД БЕЗ ЖИТЕЛЕЙ

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский
Город без жителей

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Город без жителей / А. Сунгурский — «Автор», 2026

На далёкой планете стоит город, в котором некому жить. В стенах нет привычных окон, проходы ведут в глухие углубления, а ночью между каменными рёбрами появляются новые перемычки. Материаловед Агата Ратова прилетела сюда изучать чужие постройки. После аварии она помогает укрепить повреждённый участок — и обнаруживает, что её ремонт изменил не только стену. Теперь экспедиции предстоит понять, кому она навредила и можно ли исправить сделанное. Город не отвечает на вопросы. Он меняется, принимает одни человеческие вещи и разбирает другие. Пока с севера поднимается вода, Агате приходится строить заново, сомневаться в каждом объяснении и решать, где помощь превращается в ещё одно вмешательство.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ни одного окна	5
Глава 2. Ночная съёмка	11
Глава 3. Плита	18
Глава 4. Пустое место	24
Глава 5. Неправильное жильё	30
Глава 6. Сухой шов	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

А.М. Сунгурский

Город без жителей

Глава 1. Ни одного окна

У первой стены Агата обнаружила, что не знает, с какой стороны на неё смотреть.

Стена была невысокой, чуть выше её плеча, и стояла посреди каменной площадки. От середины под прямым углом отходила вторая, пониже. Вместе они образовывали место, где человек мог бы укрыться от ветра, если бы не пологие выступы у основания: поставить ноги между ними удавалось только боком. Ни двери, ни крыши. На краях — гладкие светлые полосы, будто их долго тёрли ладонями.

Агата обошла постройку. С той стороны всё выглядело убедительнее: два ряда выступов напоминали ступени. Однако оба ряда поднимались навстречу друг другу и кончались в полуметре от земли.

— Ну? — спросил Марат.

Он ждал у машины, положив ладони на верхнюю часть колеса. В широком стекле его шлема отражались небо и белая полоса скалы. Из-за отражения Агата не видела глаз.

— Пока ничего.

— Ты обошла уже дважды.

— Я надеялась, что сзади будет понятно.

— Обычно там мусорные баки.

Она представила мусорный бак, крышку которого ветер бил бы о камень, и вдруг с такой силой захотела услышать этот звук, что пришлось отвернуться от Марата. Они восемь месяцев жили среди оборудования, сделанного людьми, но здесь, на чужой поверхности, обыкновенная урна казалась более невероятной находкой, чем всё, ради чего они прилетели.

На снимках с орбиты район выглядел городом. Длинные прямые разрывы между скоплениями построек, площадки, похожие на дворы, башни разной высоты. При увеличении обнаруживались сложности, которые не объяснялись одним названием, однако слово уже прижилось. Агата сама написала его в первой рабочей записи. Город. Увидев стену вблизи, она не нашла в ней ни одной вещи, сделанной для существа, похожего на неё.

— У тебя справа что-то блестит, — сказал Марат.

Агата повернула голову. Между выступами лежало тёмное зёрнышко величиной с ноготь. При перемене угла на нём проступал синий отблеск.

Она опустилась на одно колено, удерживая левую руку над камнем, чтобы случайно не опереться. Ремень ящика с приборами натянулся на плече.

— Вижу.

— Ты коленом в пыль села.

— Для этого колено и завернули.

Она всё-таки посмотрела на наружный чехол. Целый, без складки под застёжкой. До вечера его предстояло отмыть вместе со всем остальным, что касалось поверхности. На станции их заставляли проходить эту процедуру так часто, что Агата однажды предложила включить мытьё в описание профессии. Сейчас она была рада, что движения не приходилось вспоминать.

Из ящика она вынула съёмочную рамку и поставила на собственную опору возле стены. В кадре появились зёрнышко, участок светлой полосы и шкала. Тёмная пыль лежала рыхло; у самого основания стены её как будто подмели.

— Не трогай пока, — сказала Далия.

Голос руководительницы пришёл по общей связи. Сама она стояла метрах в сорока, возле края площадки, и смотрела вниз, в следующий ряд построек. Тома была рядом с ней. Кир остался у машины и перебирал крепления пустого контейнера.

— Я снимаю, — ответила Агата.

— Вижу. Через десять минут идём дальше.

Агата увеличила изображение. Между зёрнышком и стеной тянулась тонкая тёмная нить. Она могла быть трещиной в пыли, растительным волокном или частью того же камня. Слово «волокно» захотелось сказать вслух. Агата удержала его: Кир и без этого поднял голову, едва услышал разговор о находке.

Он подошёл, неся контейнер перед собой, как человек, который уже согласился помогать.

— Дай посмотреть.

Она отодвинулась, освобождая ему место у экрана рамки.

Кир присел слишком быстро, качнулся под тяжестью дыхательного блока и выставил локоть. До стены не достал. Марат сзади тихо произнёс:

— Красиво.

— Я не упал.

— Я про стену.

Кир не поверил, но спорить не стал. Он наклонил шлем к экрану, потом к самому зёрнышку.

— На открытом слое всё сухое, — сказал он. — Спектр у тебя какой?

— Ещё не снимала.

— Давай я подсвечу.

Он полез в свою сумку. Агата придержала её край, чтобы откинута крышка не коснулась стены. Пока Кир искал нужную головку, она смотрела на светлые полосы. Если бы здесь действительно хваталась руками, за выступами остались бы удобные места для пальцев. Но с обратной стороны материал сходил в острое ребро. Сжать его в ладони было бы больно даже через перчатку.

Кир навёл прибор. По экрану прошли цветные строки.

— Та же основа, что наверху, — сказал он с разочарованием.

— А ты надеялся сразу на клетку с приветствием?

— На разницу.

Ответ прозвучал серьёзно, и Агате стало неловко за шутку. Кир первым заметил постройки в материалах разведчика, ещё когда машина передавала лишь неровные полосы вдоль края котловины. Несколько месяцев он отстаивал необходимость идти сюда. Теперь любой результат, похожий на прежний, отнимал у него что-то, чего остальные ещё не успели приобрести.

— Внутри полосы может быть иначе, — сказала Агата.

— Тогда надо посмотреть внутрь.

— Сегодня не будем.

Это сказала Далия. Она уже подошла к ним и подняла руку перед Агатой.

— Сколько времени? — спросила она.

— Мне минуточку, — ответил Кир.

Далия подождала минуточку. Потом они собрали рамку, оставив зёрнышко там, где нашли, и пошли к краю.

Марат повёл машину сзади. Её шесть колёс поочерёдно перевалили через неглубокую складку породы. В наушниках слышалось, как он вполголоса уговаривает заднюю пару: «Ну давай, давай, умница». Машина справилась без его уговоров, но Агате нравилось их слушать.

За краем площадки открылась низина, заполненная постройками.

До этого она видела их поверх друг друга, с неверной высоты. Теперь различила низкие замкнутые кольца, вытянутые рёбра, гребни с просветами. Между ними лежали гладкие участки размером с небольшую площадь. Дальше поднимались три башни, но и это слово оказалось неточным: у каждой не было сплошной середины. Сквозь каменную решётку проглядывало небо.

Солнце стояло сбоку. Тень ближайшего гребня пересекала площадку и заканчивалась ровным прямоугольником на противоположной стенке. В этом совпадении было столько порядка, что Агата невольно проверила другие тени. Те лежали как придётся.

— Окна, — произнесла Тома.

Агата посмотрела туда, куда она указывала: на дальнем сооружении темнели маленькие отверстия.

— Они насквозь, — сказал Марат. — Я сверху видел.

— Окна тоже бывают насквозь.

— Там за ними ничего нет. Ни пола, ни комнаты.

Тома помолчала.

— Значит, пока будут окна. Я хочу хоть что-нибудь назвать.

Агата улыбнулась. Врач стояла совершенно неподвижно, чуть подавшись вперёд. На корабле она так рассматривала растения в маленьком оранжерейном шкафу: терпеливо ждала, когда можно будет заметить что-то новое. Сейчас перед ней лежала целая котловина.

— Мы пойдём вон туда, — сказала Даля.

Она выбрала широкую полосу между двумя невысокими сооружениями. На схеме Марата она оставалась свободной до следующей площадки.

— Идём только до поперечного гребня. Снимем две стороны и вернёмся. Марат, машину оставляешь здесь.

Он выключил ход, закрепил её на уклоне и вынул из бокового гнезда лёгкий маяк.

— Здесь хорошее место, — сказал он. — От посадочного видно, от нас видно. Если начнут строить кафе, надо занять раньше других.

Кир уже спускался. Даля окликнула его, велела подождать остальных. Он остановился с таким видом, будто и не собирался уходить далеко.

Агата на мгновение задержалась рядом с Маратом.

— Ты правда видел всё насквозь?

— Снаружи до снаружи. Дрон провёл луч через отверстие. Ты почему спрашиваешь?

— Потому что я всё ещё ищу вход.

Марат посмотрел на ближайшее кольцо, потом на неё.

— Может, мы уже вошли.

Она рассмеялась, но, шагая вниз, всё-таки оглянулась. Никакой границы позади не было. Просто каменная складка, их колёсные следы и закреплённая машина.

* * *

На дне низины оказалось теплее.

Агата не чувствовала ветер кожей, зато видела, как редкие полосы пыли останавливаются у оснований стен. Датчик на рукаве тоже показывал разницу. Здесь материал имел другой цвет — не серый, как наверху, а тёплый, почти медовый, с тёмными крапинками. Отдельные зёрна складывались в узоры, которые вблизи теряли правильность.

У поперечного гребня Даля подняла руку, и они остановились.

Гребень возвышался до пояса. В нём было пять разрывов: три узких, два широких. За средним виднелась округлая выемка. Агата наклонилась, стараясь рассмотреть её дно, но висящий на ремне ящик упёрся в бедро.

— Я подержу, — предложил Марат.

Она передала ему ящик. Сама опустилась ниже и увидела в выемке маленькие светлые пластинки, уложенные одна поверх другой. Ни одна не лежала плоско: все чуть выступали с края, как листы плохо подрезанной книги.

— Можешь посветить справа?

Марат поставил ящик и направил фонарь под острым углом.

На пластинках появились тени. Агата различила зазоры и крошечные перемины между слоями. Всё сооружение занимало меньше ладони. Оно не походило на случайный скол. Но что из этого следовало, она пока не знала.

— Там пусто? — спросила Далия.

— Между слоями — да. За ними не вижу.

— Ничего не просовываем.

Агата и не собиралась. Ей хотелось другого: снять размеры и попробовать собрать такую же вещь из знакомого материала. Она знала это своё желание с детства. В Перми, у бабушки, однажды разобрала дверной замок и не смогла вернуть на место маленькую пружину. Бабушка пришла домой, увидела открытый инструментальный ящик и села рядом. Они провозились до ночи. Замок заработал, но дверь ещё неделю закрывали плечом.

Здесь никто не мог сесть рядом и показать, куда должна вернуться пружина.

— Что скажешь? — спросил Кир.

— Не понимаю, зачем так много открытых кромок.

— Для площади поверхности.

— Это я вижу. Но почему они разной высоты?

— Могут быть разные поколения роста.

Он сказал это с облегчением: наконец появилась мысль, за которую можно было взяться. Агата повернула фонарь, который Марат передал ей свободной рукой.

— Тогда почему самые маленькие в середине?

Кир присел с другой стороны. Они смотрели на пластинки через разрыв в стене, разделённые узким столбом медового камня.

— Не знаю, — сказал он наконец.

Агата кивнула. Это был хороший ответ, хотя он, наверное, так не думал.

Тома позвала их посмотреть на полосу за гребнем. Там лежали одинаковые мелкие обломки. Они не были рассыпаны равномерно: ближе к стенке слой становился толще, а вдоль одной длинной трещины обломков почти не осталось.

Марат направил вниз камеру на короткой штанге. Изображение пришло на общий экран. В глубине трещины блеснула влажная поверхность.

— Вода? — спросила Тома.

— Отсюда не скажу, — ответил Кир.

— А как тебе хочется сказать?

— Что угодно, лишь бы это было живое.

Тома повернулась к нему. Через шлемы невозможно было понять, улыбается ли она, но по голосу Агата слышала, что да.

— Хорошо. Будем пока искать то, что тебе не хочется.

— Это значительно проще.

На этот раз засмеялся и он.

Агата подняла взгляд. Между стенами не двигалось ничего крупнее пыли. Не было птиц, насекомых, существ, которых можно было бы принять за тех или других. На краях сооружений не росло ни одного знакомого стебля. И всё же место не выглядело мёртвым. Поверхности слишком сильно различались: одни крошились, другие блестели, третьи казались только что

очищенными. В заброшенных земных городах время проходило по всему сразу. Здесь оно словно выбирало отдельные участки.

Она вспомнила, что видит лишь внешнюю сторону, и отогнала сравнение. В разных породах и обычная эрозия идёт по-разному.

Марат отвёл камеру от трещины. Рядом, у самого основания гребня, Агата заметила освещённую пластинку.

— Агата, — сказал он. — Ты это снимала?

Она не сразу заметила движение.

Свет падал через ближайший широкий разрыв. Пока они работали, край тени сдвинулся и обнажил медовую пластинку у основания. Пластинка медленно опускалась. Не качалась и не падала: её наружный край шёл вниз, а ближний оставался закреплённым в стене.

Кир первым поднял прибор. Далия велела всем отойти на два шага. Агата сделала шаг, второй, не выпуская поверхность из кадра.

До земли оставалось несколько сантиметров. Пластинка опустилась ещё немного и осталась. Рядом с её неподвижным краем выступила тёмная влажная полоска.

Они ждали.

— Нагрев, — сказал Кир, но уже неуверенно.

— Может быть, — ответила Агата.

Ей хотелось снова подойти. Посмотреть снизу. Увидеть, во что переходит тёмная полоска. Всё устройство её рабочей жизни было направлено на такие действия: подойти ближе, отделить ненужное, повернуть предмет к свету. Она впервые так ясно ощутила, сколько труда потребуется, чтобы не делать этого сразу.

Пластинка больше не двигалась.

Далия связалась с кораблём, попросила сохранить весь текущий поток и сравнить место с утренним облётом. Эмма ответила, что запись идёт. Её спокойный голос напомнил Агате о двух людях высоко над ними, у которых по-прежнему был потолок, пол и дверь, открывающаяся предсказуемым образом.

— До лагеря сколько? — спросила Далия Марата.

— Пешком сорок минут. С машиной меньше, но сначала надо к ней подняться.

— Возвращаемся. Камеру оставим наверху.

Кир посмотрел на неподвижную пластинку и уже открыл рот. Затем закрыл. Врач пошла первой, проверяя ногой опору на пологом склоне. Они поднимались той же полосой, по которой спустились. Марат показывал широкие места, где можно было разойтись, и каждый раз оглядывался, пока последний не проходил.

В середине подъёма Агата заметила, что тени снова кажутся обычными. Прямые стены, пыль, лёгкий ветер. Если бы не запись, она легко убедила бы себя, что видела небольшую осыпь.

* * *

У машины Марат остановился раньше остальных.

— Где рамка стояла?

Агата показала на маленькую стену. Следы трёх опор остались в пыли.

— А синее?

Она присела. На прежнем месте зёрнышка не было. В основании светлой полосы темнела щель, которую она раньше приняла за трещину. Зёрнышко виднелось уже внутри, наполовину скрытое краем.

Агата посмотрела на направление пылевого следа. Потом подвела камеру ближе, не касаясь ни стены, ни самой щели.

— Ветер мог? — спросил Марат.

— Мог.

— А вверх мог?

— Если подхватил.

Марат молча показал на след. Тёмная нить от прежнего места к стене сохранилась целиком, лишь стала короче.

Агата хотела ответить и обнаружила, что не знает, кому именно отвечать: ему, собственному желанию немедленно всё объяснить или Киру, который уже спешил к ним с контейнером.

— Давайте снимем, — сказала она.

На этот раз рамку поставили дальше. Марат закрепил над ней маленькую камеру, направил вторую на весь участок, потом присоединил обе к маяку. На экране появилась неподвижная картинка: светлая полоса, тёмная щель, синий край зёрнышка.

Далия дала им ещё три минуты.

За три минуты ничего не произошло.

Они вернулись в машину, расселись в открытых креслах и пристегнули страховочные ремни. Агата оказалась сзади рядом с Киром. Он держал на коленях пустой контейнер и время от времени смотрел на него, как на вещь, которую зря взял в дорогу.

Впереди Тома попросила ехать медленнее, чтобы успеть ещё раз посмотреть на низину. Марат сбавил ход. Никто не возразил.

С подъёма город снова стал похож на город. Выстроились улицы, возникли площади, далёкие башни словно сомкнули просветы. Агата видела, как легко расстояние возвращает предметам понятный вид. Ей уже хотелось обратно, к неудобной маленькой стене, возле которой нельзя было поставить ноги.

Камера передавала изображение на её рукав. Тёмное зёрнышко всё ещё было на месте.

Когда машина поднялась на последний уступ, по светлой полосе прошла короткая тень. Агата подняла голову: над котловиной не было ничего, что могло бы её отбросить.

Она посмотрела снова на экран.

Синий край исчез. У основания стены осталась только узкая щель.

Глава 2. Ночная съёмка

В лагере обнаружилось, что Агата разучилась снимать перчатки.

Наружные уже остались в грязном отсеке вместе с чехлом и ботинками. С внутренними всё было проще: отстегнуть запястный замок, освободить пальцы, вытянуть руку. Она проделывала это сотни раз. Сейчас пальцы никак не удерживали маленький язычок застёжки.

Тома молча взяла её за руку, повернула кисть и открыла замок.

— Замёрзла?

— Нет.

— Тогда устала.

Агата хотела сказать, что они прошли совсем немного. Вместо этого кивнула. Стоило стянуть перчатку, как в пальцах появилась слабая дрожь.

— Есть сначала, — сказала Тома. — Смотреть потом.

За стеклянной перегородкой Марат заканчивал очищать шлем. Увидел, что Агата на него смотрит, и указал на собственный рукав: там всё ещё шла картинка с оставленной камеры. Затем прижал к стеклу палец и изобразил ползущую букашку.

Агата покачала головой.

Он изобразил букашку покрупнее.

Тома обернулась, постучала по перегородке и показала на часы. Марат с огорчённым видом вернулся к шлему.

В общем отсеке пахло нагретой тканью и едой. Четыре соединённых модуля стояли на открытом плато, где посадочный аппарат оставил широкие следы опор. От общего помещения короткие переходы вели в жилое, рабочее и медицинское. Снаружи лагерь выглядел нелепым скоплением белых цилиндров, и Агата ещё утром мысленно приписала ему срок годности: двадцать дней, двадцать пять, сколько выдержат их припасы и терпение. Теперь эти цилиндры казались очень удачным изобретением.

Можно было прислониться к стене, не спрашивая, что это значит.

Кир сидел у стола, над нераскрытым пакетом с ужином. Перед ним на экране повторялось движение пластинки, снятой возле поперечного гребня. Он остановил запись в момент, когда её край опускался.

— Я нашёл ещё три таких, — сказал он вместо приветствия.

Тома протянула руку и повернула экран от него.

— Сначала открой.

Кир послушно надорвал пакет. Достал ложку, повернул экран назад.

— У двух форма другая. Но место крепления то же.

— Ешь, — сказала Тома.

Она ушла за водой. Кир подождал, пока закроется дверь, и быстро показал Агате вторую запись.

— Вот. Смотри. Эту разведчик снял ещё до нашего выхода к планете.

На зернистом изображении тянулся длинный край сооружения. Между двумя проходами была маленькая тёмная отметина. Агата наклонилась ближе.

— Здесь не видно крепления.

— Зато на второй серии она ниже.

— Угол другой.

Кир развёл руками. Он понимал это не хуже неё, просто ему хотелось, чтобы два изображения оказались одним ответом.

Агата села напротив. Её собственный ужин лежал в широком подогретом лотке. Она взяла ложку и только теперь заметила, как сильно проголодалась. Еда была пряной, мягкой,

почти знакомой. На корабле она надоела им ещё в третьем месяце. Здесь Агата съела половину прежде, чем вспомнила, что собиралась добавить соль.

Далия пришла последней. Села сбоку, отодвинула пустую чашку и положила перед собой небольшой лист с нарисованной от руки схемой. Когда экранов становилось слишком много, она возвращалась к бумаге. Артур на корабле говорил, что однажды командование перестанет получать её отчёты, потому что у них кончатся конверты.

— У нас две камеры возле первой стены, — сказала Далия. — Одна смотрит в щель, другая даёт обзор. Я хочу непрерывную ночь. Без людей рядом.

Кир поднял голову.

— Хорошо.

— Это значит, что до темноты возвращаться туда не будем.

— Я понял.

Марат вошёл уже без наружной экипировки, с мокрыми после умывания волосами. На одном виске остался след от подшлемника. Он заглянул в лоток Агаты, потом взял свой.

— Что дают?

— Опять то же самое.

— Слава богу.

Он сел рядом, едва не задев коленом ножку стола. Кир отодвинул экран, давая ему место.

На бумаге Далии были четыре прямоугольника лагеря, посадочный аппарат и вытянутая полоса плато. Внизу начинались разрозненные углы городских построек.

— Марат, завтра сначала повторишь вчерашний облёт. С тех же точек, насколько получится. Агата, ты посмотришь изменения формы. Кир — всё, что связано с мокрыми участками. Пока с расстояния.

— А я? — спросила Тома.

Далия подняла на неё глаза.

— Ты хотела заняться светом.

— Я и сейчас хочу. Но не хочу, чтобы это выглядело так, будто мне выдали занятие, пока взрослые работают.

Марат перестал жевать. Агата посмотрела на Тома внимательнее.

— Тогда выбери себе участок, — сказала Далия. — Только такой, до которого можно дойти вдвоём и вернуться засветло.

Тома подвинула к себе схему.

— Мне нужен вон этот гребень. Там тени сходятся на одном уровне, а соседние — нет. Если это случайность, я хотя бы перестану на неё смотреть.

— Значит, после облёта идёшь с Маратом.

Тома кивнула и взялась за ужин. Агата поняла, что до этого врач тоже почти ничего не съела.

Они говорили о завтрашних выходах, о месте для второй мачты, о плохо подогнанной застёжке на одном из чехлов. Никто не назвал увиденное открытием разумной жизни. Слово стояло где-то рядом со столом, как шестой человек, которого ещё не решились пригласить сесть.

Кир закончил первым. Положил ложку и спросил:

— А если они ночью придут сюда?

Далия посмотрела на схему. От ближайших построек до модулей оставалось открытое плато, которое просматривалось с двух сторон.

— Тогда мы их увидим.

— Кого — их? — спросил Марат.

Кир пожал плечами.

— Не знаю. Хоть кого-нибудь.

* * *

Агата собиралась поспать два часа и проспала три.

Когда она вышла из жилого модуля, за наружным окном ещё было светло. Солнце опускалось медленнее, чем хотелось уставшему телу. Местные сутки длились двадцать семь часов, а её привычки по-прежнему считали иначе. На общем столе стояла кружка, прикрытая крышечкой. Под кружкой Марат оставил записку: «Это тебе. Не образец».

Внутри был чай.

Она отнесла его в рабочий модуль. Марат сидел перед тремя экранами, подогнув под себя ногу. Увидев записку в её руке, сказал:

— А то вы с Киром сегодня на всё подозрительно смотрите.

— Я бы сначала понюхала.

— Вот поэтому я и написал.

Она поставила кружку в держатель под столом. На главном экране была первая стенка. Светлая полоса стала тёпло-жёлтой, щель у основания потемнела. Синего зёрнышка не было видно уже несколько часов.

— Что пропустила?

— Ветер. Один камешек. Ещё ветер.

— Зато честно.

— Есть полная запись, можешь не верить.

Агата опустила в соседнее кресло. Марат вывел нужный фрагмент: короткая тень, исчезновение синего края. При замедлении стало видно, что тень шла от самой светлой полосы. Её нижняя кромка чуть выгнулась наружу и прикрыла щель. Зёрнышко исчезло раньше, чем кромка вернулась на место.

Агата провела пальцем вдоль изображения.

— Здесь мягкая связка.

— На камень не похоже?

— На сплошной — нет.

Она попросила предыдущие минуты. На общей записи пыль двигалась в сторону от стены, отдельными порывами. Зёрнышко шло к стене. Между ним и щелью блестела короткая полоска, заметная лишь при определённом положении света.

— Вода может стягивать, — сказала Агата.

— Такую штуку?

— Если поверхность подходящая. Здесь мы пока не знаем даже, что у неё внутри.

Марат открыл второе изображение. Это же место, другой угол. Синяя крупинка двигалась медленно, несколько раз останавливалась. Когда у края щели возникало маленькое уплотнение, крупинка смещалась ближе.

— Мне не нравится, что оно ждёт, — сказал он.

Агата взглянула на него. Лицо было серьёзным.

— Почему?

— Ветер не ждёт. Ладно, неудачно сказал. Я понимаю, что вода тоже может стоять, потом сдвинуться. Но вот тут...

Он вернул запись на несколько секунд. Тёмная полоска расширилась по одну сторону зёрнышка, затем по другую. Зёрнышко повернулось.

— Тут оно как чемодан в узкую дверь.

Агата невольно улыбнулась.

— Ты всё-таки нашёл вход.

— Не мой размер.

Она приблизила кадр, но изображение распалось на цветные квадраты. Дальше идти было некуда.

С корабля вызвал Артур. Он появился в маленьком окне экрана по пояс; за его плечом плавно поворачивалась закреплённая на шарнире лампа.

— У вас там что, никого не осталось? Далия спит, Тома велела не будить Кира, теперь ещё Эмма хочет знать, кто смотрит наружу.

— Двое взрослых, — ответил Марат.

Артур посмотрел на Агату.

— Ты подтверждаешь?

— Присутствие двух человек подтверждаю.

— Уже достаточно. Я добавил вам ночной обзор с нашей стороны. Мелочь не разглядите, но район целиком будет. Ещё облака идут с севера. Пока далеко.

Он вывел на отдельное поле бледную изогнутую полосу над равниной. За прошлые сутки она расширилась.

— До нас дойдёт? — спросила Агата.

— Должно, когда здесь сменится погода. На старых сериях этот край весь мокрый. Точного дня я не назову, у нас на него ещё мало наблюдений.

— А сейчас?

— Сейчас спокойно. Эмма спрашивает, как самочувствие после первого выхода.

— Скажи, что нормально, — ответил Марат. — И что я нашёл город, в котором меня не пустят ни в одну дверь.

— При твоём багаже я не удивлён.

Артур отключился. На его месте остался вид планеты с орбиты: огромное светлое поле, сложная кромка гор и тонкая облачная дуга. Агата долго смотрела на неё. После нескольких часов у маленькой стены трудно было вспомнить, что вокруг лежит целая планета и на большей её части никто никогда не услышит голоса их группы.

В нижнем углу экрана шевельнулось что-то тёмное.

Марат выпрямился.

— Началось.

У основания первой стенки появилась влажная полоса. Она темнела не сразу по всей длине, а короткими участками. Между ними оставались светлые разрывы. Затем один из выступов, похожих на ступень, медленно просел внутрь.

Агата посмотрела на часы и начала новую отметку в записи.

* * *

Через сорок минут стена всё ещё стояла на прежнем месте, но перед ней уже лежала полоска мелких обломков.

Они появлялись у края, перекатывались, сползали в низину и исчезали в тёмном желобке. Свет рамки выхватывал только ближайшую часть. На общем изображении было видно, что дальше по желобку движется такая же зернистая полоска.

— Не осыпь, — сказал Марат.

Агата смотрела на место, где ряд частиц поднимался через низкую перемычку. По обе стороны лежала неподвижная пыль. Сами частицы будто перекладывались из одного неглубокого кармана в другой. Ни лапок, ни колёс камера не показывала.

— Сохрани вот этот кусок отдельно.

Марат поставил отметку.

— Сохранил. Что ты видишь?

— Перенос. Я пока вижу перенос.

Она подвинула к себе планшет, открыла дневную модель и выделила выступ, от которого отступал край. На его месте уже была выемка. Неподалёку, на другой стороне поперечной стенки, возникла светлая выпуклость.

— Он разбирает здесь и собирает там, — сказала она.

— Кто?

— Это я так сказала.

Марат не стал её поддевать. Встал, пошёл к двери, вернулся с Далией.

Руководительница ещё застёгивала верхнюю пуговицу рубашки. Села за их спинами, ничего не спрашивая. Пару минут все трое смотрели молча. Потом Далия попросила общий вид.

На ночной карте изменения проявлялись медленнее. Из-за различия освещения привычная модель ошибалась: тени превращались в провалы, блестящие мокрые места исчезали. Марат убрал автоматическую раскраску. Осталось дрожащее тёмное изображение.

Внизу, возле поперечного гребня, росло узкое ребро. За ним уменьшалось другое. Эти две перемены были настолько простыми, что Агате вдруг стало смешно от всех дневных попыток понять форму как законченную вещь. Она закрыла рот ладонью.

— Что? — спросила Далия.

— Мы мерили недостроенное.

Она сказала это слишком уверенно и сразу увидела, как Марат повернулся к ней.

— Или разбираемое, — добавила она.

— Вот это оставь, — ответила Далия. — Оба варианта.

Кир пришёл сам. Тома в дверях негромко сообщила, что он всё равно не спал, и поставила на свободную полку две кружки. На первом экране одна из «ступеней» уже почти исчезла. На втором рядом с маленькой выемкой поднимался низкий бортик.

Кир долго смотрел, опершись пальцами о край стола. Потом спросил:

— Где рабочие?

Никто не ответил.

Это был первый вопрос, на который Агата не захотела немедленно искать разумный вариант. Она тоже ждала рабочих. Хоть маленьких, хоть вовсе непохожих на людей. Кто-то должен был выйти из тени, поднять последнюю крупинку, закрыть ящик с инструментами. Тогда всё сложилось бы: постройки, деятельность, обитатели. Но крупинки продолжали двигаться, и больше ничего не появлялось.

Кир начал считать скорость изменения бортика. Агата помогла ему выбрать неподвижные точки. Марат переключал камеры, возвращая целый участок в поле зрения, когда кто-нибудь слишком увлекался увеличением. Далия следила за общим видом лагеря и время от времени спрашивала Артура о дальних изменениях.

К исходу второго часа работы стало ясно, что ночь меняет не весь район одинаково. У трёх высоких сооружений почти ничего не происходило. На площадках ниже двигалось множество мелких полос, а длинная стена за гребнем оставалась сухой.

— Здесь пусто, — сказал Кир, показывая на сухой участок.

Агата посмотрела на него.

— Что ты сейчас называешь пустым?

Он убрал палец от экрана.

— Ничего не меняется.

— Тогда так и отметь. Мне хочется потом самой понять запись.

Кир послушно исправил подпись. Агата услышала, как Тома позади них тихо рассмеялась.

— Что?

— Ничего. Днём мне не дали назвать окна окнами, теперь всем достается.

Агата улыбнулась, но потом всё-таки вернула взгляд к сухой стене. Отсутствие движения здесь тоже могло что-то значить. Она уже начинала опасаться этой мысли: стоило решить, что значимо всё, и различать становилось нечего.

Тома принесла одеяло и положила на спинку соседнего кресла. Затем ушла будить дежурный экран в медицинском модуле. На этот раз никто не попытался остановить её вопросом о сне.

* * *

Ближе к середине ночи Агата вышла в общий отсек размять ноги. За наружным окном стояла темнота. Лагерные фонари освещали только опоры и ближайший камень. Постройки города отсюда не были видны.

На стене над столом висела бумажная схема Далии. Агата сняла её, повертела в руках и положила рядом с планшетом. Четыре модуля, широкое место для разворота машины, посадочный аппарат. Их маленькая понятная планировка.

Она попыталась представить, как её увидит тот, кто никогда не сидел на стуле. Для него стол и стенка будут одинаковыми преградами. Кровать — бессмысленным расходом ровной поверхности. Пять отдельных мест для сна не расскажут ни о числе жильцов, ни о том, что они делают, когда гасят свет.

Из рабочего модуля вышел Марат.

— Ты куда пропала?

— Я здесь.

Он сел напротив и потянул к себе планшет, но Агата придержала его ладонью.

— Подожди. Ты когда смотришь на план дома, что сначала ищешь?

— Выход.

— Правда?

— Сейчас — правда. Обычно зависит от дома. Если чужой, где обувь оставить. Если мой, куда опять поставили шкаф.

— У тебя кто-то переставлял шкафы?

— Мать. В Казани у нас было две комнаты и вечное желание сделать третью.

Он посмотрел на нарисованные прямоугольники.

— А ты?

— Где будет свет.

— Значит, нам с тобой нельзя проектировать один дом. Ты всё время будешь окна рисовать, а я двери.

Она представила дом с чрезмерным количеством дверей и засмеялась. Марат улыбнулся ей уже без той нарочитой серьёзности, с которой обычно произносил свои шутки.

Несколько секунд они сидели молча. Агата чувствовала под ладонью тёплый край планшета. Ей не хотелось ни убирать руку, ни продолжать разговор о городе.

Из рабочего модуля позвал Кир.

На ночном изображении исчезал проход, по которому они днём спустились к гребню.

Он не закрывался целиком. Два выступа по краям постепенно меняли положение, а из основания поднималось тонкое ребро. Через него ещё можно было перешагнуть. Через час, если рост продолжится, придётся искать другое место.

Марат открыл карту дневного выхода. Линия маршрута пересекла новое ребро и ушла дальше, словно препятствия не существовало.

— Надо убрать её из завтрашнего задания, — сказала Далия.

Он молча снял маршрут с рабочего слоя. Потом сохранил его отдельно, с датой и временем.

Агата стояла рядом и смотрела, как между их следами вырастает край чужой конструкции. Никто не шёл по пятам, не искал их. Город просто продолжал занятие, для которого человеческая дорожка оказалась свободным местом.

На дальнем конце новой стенки образовался разрыв. Сначала узкий, потом шире. Он оставлял обход в стороне, за низкой плитой, почти параллельной прежнему маршруту.

Марат отметил его на ночном снимке, но не соединил с остальной картой.

— Утром посмотрим, — сказал он.

Глава 3. Плита

Утром Марат не дал Агате выйти из лагеря, пока она не показала, что умеет провести по экрану прямую линию.

— Зачем?

— Затем, что три часа назад ты собиралась спать, а потом ещё сорок минут объясняла Киру, почему его стрелка смотрит не туда.

— Я спала.

— Сколько?

— Достаточно.

Он поднял брови. Агата со злостью провела пальцем поперёк планшета. Линия получилась кривая. Марат дождался, когда она посмотрит на него.

— Это вообще ничего не проверяет, — сказала она.

— Я знаю. Но ты хоть остановилась.

Из медицинского модуля вышла Тома и забрала у него планшет.

— Оба ещё час отдыхаете. Облёт уже закончен, город никуда не ушёл.

— Смотря что считать городом, — начал Марат.

— Сам будешь считать, когда проснёшься.

Агата вернулась в свою спальную ячейку и неожиданно уснула сразу. Вытянутый белый светильник над её головой ещё гас, когда она перестала его видеть.

Во второй раз её разбудила Далия. Кир и Тома уже были готовы. Марат сидел за столом и с увлечением ел сухой хлеб, будто только что обнаружил способ использовать его по назначению.

На экране перед ним лежала свежая карта.

Старый проход внизу был перечёркнут. Новый обход огибал светлую плиту, которая прежде казалась частью сплошного гребня. Теперь между нею и соседней стенкой оставалось свободное место. Утренний дрон прошёл над ним, развернулся и снял с противоположной стороны.

— До этой точки идём вместе, — сказала Далия. — Дальше Тома с Маратом смотрят тени, мы трое — поверхность нового ребра. Машина остаётся на прежней площадке. Если внизу что-то движется, не заходим.

Кир кивнул. Агата посмотрела на последний кадр обхода. Солнце освещало его почти до дна. На плите не было ни влажного блеска, ни движущихся крупинок.

— Сколько он простоял таким? — спросила она.

— По ночной записи — больше пяти часов, — ответил Марат. — Но с земли ещё не смотрели.

Он сказал это без привычной улыбки. Агата вспомнила, как ночью он убрал с карты их собственную дорожку.

Перед выходом Марат раскрыл инструментальный ящик. Проверил резак, короткие распорки для ремонта машины, вынул из-под них сложенный ремень. Снаружи к крышке была пристёгнута переносная ступень.

— Ящик опять тяжелее меня, — заметил Кир.

— Зато у него ножки не устают, — ответил Марат и затянул крепление ступени.

Агата взяла ящик с одной стороны, Кир — с другой. До машины они донесли его вдвоём.

* * *

Город пахнуть не мог, пока Агата дышала воздухом из своего блока. Тем удивительнее было ощущение, что после ночи здесь всё свежее.

Новые кромки отражали солнце иначе. Вчерашняя рыхлая россыпь у гребня исчезла; осталась чистая ложбинка. На первой стенке не хватало двух выступов, зато с обратной стороны лежало толстое ребро, соединённое с основанием. Камера стояла в том же месте. Её ножки оказались окружены тонкой каймой пыли, но сама опора не сдвинулась.

Агата не стала приближаться к щели. На утренней записи зёрнышко больше не появлялось. Она посмотрела на маленькую стену целиком, стараясь удержать в памяти её прежний вид, и поняла, что без изображений уже не сможет.

Марат остановил машину у маяка. Агата и Кир сняли инструментальный ящик и понесли его за остальными до места, где ночью выросло препятствие.

Новое ребро было выше колена. Через него легко перешагнул бы человек без груза и наружной защиты. Далия посмотрела на гладкую верхнюю кромку и пошла к обходу. Остальные последовали за ней.

Обход оказался шире, чем выглядел сверху. Внутри можно было идти по одному, не задевая стены плечами. Слева тянулась низкая плита, справа стоял массивный гребень с нависающим краем. Под ним темнел узкий промежуток.

Марат провёл перед собой штангой с камерой. Посмотрел на изображение, затем медленно переступил поперечную складку на дне. По ту сторону было открытое место, и он выпрямился, обернувшись к остальным.

— Проходит.

Прежде чем отойти, Марат закрепил небольшую камеру у выхода из обхода, направив её назад, вдоль плиты. Проверил изображение на рукаве и освободил место для Тома.

Тома шагнула вслед за ним. В середине прохода остановилась и указала на светлую полосу под нависающим краем.

— Вот здесь.

Агата ещё оставалась снаружи. Она наклонила голову, чтобы увидеть то же самое.

— Что?

— Вчера тень кончалась на этой высоте. Но гребень, от которого она падала, теперь ниже.

— Значит, рисунок изменился.

— Да. А светлая полоса осталась.

Тома прошла дальше. Марат помог ей переступить складку с другого края. Далия пропустила вперёд Агату, и они с Киrom вошли в обход последними.

За плитой оказалось небольшое открытое пространство. Отсюда был хорошо виден низкий гребень, выбранный Томой. Несколько светлых полос лежали на нём точно одна над другой, хотя отбрасывавшие тени сооружения были разными.

Тома достала съёмочную рамку. Марат помог закрепить её на складной опоре.

Агата занялась новой кромкой. Отступила на шаг, наклонилась и провела по ней световой полосой прибора. На поверхности проступили волнистые дорожки. Они сходились к основанию, где между камнем и пылью оставалась узкая щель.

— Кир, посмотри сюда.

Он приблизился. Агата передала ему изображение, а сама увеличила край. По форме дорожки напоминали следы жидкости, высохшей не сразу. Но в одном месте две линии пересекались, не сливаясь. Под верхней виднелось крошечное отверстие.

— Там другой слой, — сказал Кир.

— Вижу.

— Если сверху снять...

Он не договорил. Далия стояла рядом.

— Не сегодня, — сказал он сам и поднял прибор, чтобы посмотреть под другим углом.

Агата почувствовала благодарность. Ей не хотелось снова спорить о пробах. Наконец они получили ночь, в которой всё происходило само, и можно было посмотреть, что именно осталось после работы.

Солнце поднялось выше. Светлая полоса, за которой наблюдала Тома, спустилась на соседний выступ. Марат передвинул опору рамки, следуя её указанию. Потом вернулся к оставленной у обхода камере. Теперь её изображение перекрывала тень от плиты.

— Я только головку подниму, — сказал он.

Далия оглянулась.

— Не уходи дальше камеры.

— Да.

Агата видела, как он переступил складку и оказался в проходе. Он шёл вполборота, держа штангу перед собой, а левой рукой придерживал провод, чтобы тот не цеплялся за выступы. Дыхательный блок на спине проходил под нависающим краем с запасом.

Марат остановился возле камеры и наклонился.

Звук пришёл сначала по связи: короткий глухой удар. Потом Агата увидела движение плиты. Её верхний край чуть сдвинулся к правой стене, и от нижнего края осыпалась пыль.

Марат выпрямился не до конца.

— Стойте, — сказал он.

Все замерли.

Он попробовал повернуть левое плечо. Затем отступил на полшага, но остановился, словно за спиной его удержали.

— Блок зацепился. Не подходите сразу.

Агата уже двигалась к проходу. Далия остановила её ладонью перед грудью, сама присела и заглянула под нависающий край.

— Что держит?

— Заднюю раму. Снизу.

Марат говорил спокойно. Он поставил ногу на складку, попробовал приподняться. По плите прошла новая дрожь. Возле его левого локтя откололся маленький светлый кусочек.

— Не поднимайся, — сказала Агата.

Она опустила рядом с Далией. Теперь всё было видно: нижняя часть дыхательного блока попала под выступ справа, а наклонившаяся плита прижала внешнюю раму слева. Сам Марат ещё не был сдавлен. Он мог шевелить руками и немного подаваться вперёд, но вместе с блоком не проходил ни назад, ни вверх.

Тома протянула ему через верх плиты маленькую камеру.

— Посмотри соединения. Медленно.

Он взял камеру правой рукой. Изображение появилось на экране Далии, затем у Агаты.

Два крепления были свободны. Третье, внизу, упиралось в камень. До него не удавалось достать пальцами.

— Я могу снять раму, — сказал Марат. — Дайте резак.

Агата уже открывала инструментальный ящик. Небольшой резак хранился под крышкой, в отдельном гнезде. Она проверила положение защитной скобы и передала его Далии. Та просунула инструмент через верх, подводя к руке Марата.

— Только наружную скобу, — сказала Агата.

— Вижу.

Тома велела ему остановиться на несколько секунд и переключить дыхание на резерв, прежде чем трогать блок. Агата видела зелёную отметку на общей схеме экипировки, но всё равно ждала, пока Марат подтвердит голосом.

— Есть.

Он завёл резак под скобу. Инструмент коротко пискнул. Одна сторона рамы освободилась, и Агата ощутила такое облегчение, что чуть не встала.

Марат снова попробовал податься вперёд.

Из-под плиты с тихим шорохом посыпались светлые крупинки. Верхний край наклонился ещё немного. Теперь между ним и блоком не оставалось свободного места.

— Брось, — сказала Далия. — Не тяни.

— Я не тяну.

В его голосе впервые прозвучало раздражение. Не на неё. На то, что он делал ровно то, что следовало, а проход становился уже.

Агата отодвинулась, чтобы увидеть плиту целиком. Её нижняя часть опиралась на два утолщения. Одно осталось целым, под другим темнела свежая щель. Ночной материал здесь не успел просохнуть или изменился при освещении — она не знала. Сейчас это не имело значения: плита наклонялась как единый тяжёлый предмет.

— Под неё нужен упор, — сказала Агата.

Кир уже стоял возле ящика. Вынул первую короткую распорку, потом вторую. Агата вспомнила, как утром Марат проверял их крепления, и нетерпеливо протянула руку.

— Обе сюда.

Кир положил распорки рядом с ней. Она показала Далии на свободный участок у края плиты.

— Первую поставим здесь. Не поднимать сразу, только удержать. Второй можно отвести верх.

— Опора выдержит?

— Эта часть лежит на целом основании.

Она навела камеру. Под нижним краем виднелся сухой камень, без щели. Далия посмотрела изображение и кивнула.

Тома оставалась рядом с Маратом, снаружи, по другую сторону плиты. Она говорила ему что-то короткое, и он отвечал. Агата перестала различать слова. Ей нужно было ввести опору так, чтобы не выбить соседний участок.

Кир подал плоскую пяту. Она положила её на сухое место, закрепила на ней распорку и стала медленно увеличивать длину. Верхний наконечник упёрся в плиту. На приборе появилась нагрузка.

— Держит, — сказала она.

Под второй упор места не было. Пришлось бы войти в проход рядом с Маратом. Агата посмотрела на ширину оставшегося промежутка и отложила инструмент.

— Так не получится.

— Можно сверху, — сказал Кир.

— Тогда толкнём её вниз на него.

Кир замолчал. Снова наклонился к ящику, но теперь ничего не доставал без просьбы.

Марат назвал остаток резерва. Агата услышала цифру и впервые по-настоящему испугалась. До этого страх оставался за делом, которое можно выполнить правильно. Теперь у него появилась продолжительность.

— Основное подключение цело, — сказала Тома. — Пока можем вернуть его, если ничего не двинем. Но сидеть здесь до ночи он не будет.

Агата прижала ладонь к своему колену. Слишком сильно; ткань под перчаткой натянулась. Она заставила себя посмотреть ещё раз.

Плита была собрана из крупных светлых частей, связанных тёмными прослойками. В средней части шла вертикальная линия. Слева от неё поверхность слегка выступала вперёд, справа уходила назад. Неподвижный на вид шов позволял разделить плиту, не выбивая весь низ.

— Мы отведём только эту половину, — сказала Агата. — Распорка держит соседнюю. Здесь прорежем соединение, здесь поставим вторую.

Далия посмотрела на Марата, затем на отмеченный шов.

— Сколько надо отвести?

— Несколько сантиметров. Чтобы он освободил нижнее крепление.

— Делай.

Кир взял камеру, освобождая Агате обе руки. Марат передал резак назад. Агата заменила рабочую головку. Для земной пористой керамики этот инструмент был привычным, но местный материал мог повести себя иначе. Она начала с короткого участка у самого верха, где ничто не нависало над человеком.

Под режущей кромкой выступила тёмная жидкость.

— Стой, — сказал Кир.

Агата остановила инструмент. Жидкость не брызнула. Она собиралась вдоль прореза, густая, блестящая, и уходила вниз.

Кир посмотрел на Марата. Тот держался правой рукой за край своей разрезанной рамы.

— Продолжай, — сказал Кир тише.

Агата провела инструмент ниже. Материал поддавался неравномерно: твёрдая кромка, мягкий промежуток, снова твёрдый. Она не успевала разглядывать то, что открывалось. Далия придерживала защитный щиток между прорезом и экипировкой Марата. Тома следила за ним и за собственным экраном.

Когда осталось последнее соединение внизу, Агата поставила второй упор. Кир помог подвести пята к сухому основанию. Они увеличили давление, и половина плиты медленно отошла от блока.

— Есть, — сказал Марат.

Он не вырвался наружу. Сначала освободил нижнее крепление. Потом Тома приняла вес дыхательного блока через верх, а Далия помогла ему шагнуть вперёд без него. Марат вышел на открытую площадку и сел прямо на камень.

Тома встала рядом, удерживая блок на сгибе руки. Подключила его заново, дождалась ответа системы и только после этого опустила на заранее расстеленный чехол.

Агата осталась у распорок.

В прорезе темнела узкая мокрая полоса. Из неё выдвигалась тонкая нитевидная складка. Она достигла края, согнулась вниз и застыла.

Кир молча снимал.

— Агата, отходи, — сказала Далия.

Она выключила резак, закрыла головку и отступила, не забирая упоры. Плита осталась стоять на них, разделённая неровным вертикальным швом.

* * *

Марат смеялся слишком громко.

— Вот и дверь нашёл. Теперь можно шкаф выбирать.

Агата стояла в двух шагах. Она хотела сказать что-нибудь в ответ и не могла. На его плече сидела пыль. Вчера она всё время поправляла его представления о том, что можно назвать проходом, а сегодня смотрела на него и видела только несколько сантиметров, которых ему не хватало.

Тома велела ему не вставать, пока она не проверит внешние крепления. Марат покорно сидел, согнув колени. На её следующий вопрос он ответил не сразу, потом переспросил, давно ли они вышли из лагеря.

Далия вызвала корабль. Эмма ответила сразу. Агата слышала короткий рассказ о том, что случилось, но будто со стороны. В рассказе всё укладывалось в последовательность: смещение плиты, зажатый блок, освобождение, выход. Внутри произошедшего такой последовательности не было. Была одна слишком длинная минута, которая несколько раз начиналась заново.

Кир подошёл к Агате.

— Ты видела?

Она кивнула.

— Я не про жидкость. Внизу.

Он показал запись. Тёмная нитевидная складка ещё двигалась на краю прореза. В глубине, за ней, то расширялся, то сужался маленький просвет. С каждым изменением из нижнего шва выходила новая порция зернистой массы.

— Это было до того, как мы раздвинули, или после? — спросила Агата.

— На моей записи — после. Раньше из этой точки не было видно.

Она посмотрела на плиту. Ей хотелось убрать распорки и соединить края. Так делают, когда случайно открывают чужую вещь: возвращают крышку, поправляют застёжку, надеются, что ничего не нарушили.

Но Марат сидел рядом с разрезанной рамой. Плита всё ещё была неустойчива. Агата оставила инструменты на месте.

— Мы можем вернуться, — сказала она.

Далия услышала.

— Сначала вернёмся в лагерь.

Она не повысила голос, и Агата кивнула. Сейчас ей легче было выполнить короткое ясное требование, чем выбрать хоть что-нибудь самой.

Обратный путь занял больше времени. К обходу они не подошли. Кир и Далия поставили переносную ступень у нового ребра в старом проходе и помогли Марату перебраться. Остальные перешагнули следом. Марат шёл без своего рабочего ящика; Агата несла его, прижимая к бедру. Запасная перевязь удерживала дыхательный блок на его спине. Тома всё время оставалась рядом.

С верхней площадки Агата оглянулась.

На повреждённой плите блестели два металлических упора. Они были заметны даже отсюда: слишком прямые, слишком тёмные, с одинаковыми наконечниками. В остальном место выглядело спокойным.

Потом она увидела, что влажная полоса у поперечного гребня перестала блестеть.

Свет не изменился. На соседних кромках он лежал по-прежнему. Темнел только один участок, вытянутый от плиты к круглой выемке с тонкими пластинками.

— Марат, можешь камеру сюда?

Он повернулся, но Тома придержала его за рукав.

— Я сама, — быстро сказала Агата.

Она подняла свою камеру. Сняла длинную полосу, круглую выемку, неподвижные светлые слои. Потом отвела изображение шире, чтобы сохранилось всё место.

У основания гребня оставалась медовая пластинка, которая вчера медленно опускалась к земле. Выше, в круглой выемке, одна из тонких светлых пластинок лежала на боку.

Агата выключила увеличение и пошла к машине, не отставая от остальных.

Глава 4. Пустое место

Резак не захотел входить в своё гнездо.

Агата повернула его, нащупала пальцем защёлку и только тогда увидела светлую крошку, застрявшую между корпусом и краем гнезда. Прибор был выключен. Она дважды проверила это по индикатору, вынула крошку щипцами и положила инструмент отдельно, в грязный лоток.

На защитном щитке застыла чёрная полоска.

Кир стоял у соседнего лотка. Он уже снял наружные перчатки, но до внутренней двери не дошёл. Смотрел, как Агата освобождает крепление щитка.

— Не смывай пока, — попросил он.

— Я и не собиралась.

— Я знаю.

Они помолчали. Из медицинского модуля доносился голос Марата. Дверь была закрыта, слов не разобрать, но он говорил долго. Агата приняла это как хороший признак и тут же подумала, что понятия не имеет, какие признаки хорошие.

Кир снял со стены прозрачный контейнер. Подставил под щиток, дождался, когда она отпустит крепление, и закрыл крышку. Внутри осталось немного пыли, чёрная полоса и отражение потолочного светильника.

— Мы за этим летели, — сказал он.

Агата посмотрела на него.

— За пробой, — уточнил Кир. — А теперь у меня она есть, и я не знаю, хочу ли открывать.

— Ты её не выбирал.

Он повернул контейнер чистой стороной к себе. Ничего больше не сказал и унёс его в наружный отсек рабочего модуля.

Агата осталась одна. Ей нужно было снять защиту, вытереть шею, попить. Вместо этого она посмотрела на оставшийся резак и попробовала вспомнить, как Далия держала щиток между инструментом и человеком. Получалось только движение руки. Человек всё время оказывался слишком близко.

* * *

Тома нашла два ушиба и ни одной причины, по которой Марат должен был немедленно умереть, хотя он несколько раз настойчиво предлагал такую возможность.

— Ещё спрашивал про внутреннее кровотечение, — сказала она Агате, выйдя в общий отсек. — После того как я уже ответила.

— Можно к нему?

— Можно. Если не будешь заново его спасать.

Агата задержалась у двери. Тома коснулась её локтя.

— Он испугался. Ты тоже. Это не требует новой работы прямо сейчас.

Марат лежал на узкой кушетке в расстёгнутой у горла рубашке. На левой руке темнел длинный след от крепления. Кружка с водой стояла на тумбе, слишком далеко от его здоровой руки.

Агата пододвинула её ближе. Он приподнялся и выпил почти половину.

— Как там моя рама?

— Разрезана.

— Я помню, что мы с ней сделали. Починить можно?

— Артур посмотрит запись. У нас есть запасные скобы.

— Хорошо.

Марат поставил кружку. Агата села на складной стул, который прятался за дверью, и не знала, куда положить руки.

— Ты меня не разрезала, — сказал он.

— Я знаю.

— Я на всякий случай. Вдруг сейчас выяснится, что мы ещё полчаса могли вытаскивать меня каким-нибудь прекрасным способом.

Она отвернулась к стене. На ней висели два мягких кармана с одинаковыми серыми краями. Один был застёгнут, второй слегка раскрыт. Очень захотелось закрыть и его.

— Я уже три способа придумала, — призналась Агата.

— А я четыре. Все требуют, чтобы я был в другом месте.

Он осторожно подвигал плечом. Улыбка исчезла.

— Только не говори, что я выбрал плохой проход.

— Я не собиралась.

— Мне уже хватило.

Агата посмотрела на него. В проходе он слушал их всех, оставляя им по одной задаче: дайте инструмент, посмотрите крепление, не подходите. Теперь он не хотел, чтобы она сказала ещё что-нибудь правильное.

— Я думала, камень быстрее не умеет, — сказала она.

— Он и не быстро.

— Да.

Марат взял кружку обеими руками. Они посидели молча, и через некоторое время Агата перестала искать полезную фразу.

Когда она встала, он спросил:

— Что ты снимала на обратном пути?

Она рассказала о тусклой полосе и пластинке, лежащей на боку. Марат слушал, глядя на свои босые ступни.

— Там есть прежний общий кадр, — сказал он. — Из ночного. Выемка маленькая, но видна. Открой без улучшения, сначала так. А то нарисует тебе всё, чего не хватает.

* * *

На общем кадре выемка занимала место величиной с ноготь.

Агата увеличила изображение. Светлое пятно стало зернистым, потом совсем распалось. Она вернула прежний размер и положила рядом дневную запись со своей камеры.

Вчера, сегодня. Между ними — ночь, выход, обход, плита.

Ей хотелось выстроить две картинки так, чтобы из одной неизбежно получалась другая. Но первая была снята издалека, а вторая сверху; между тонкими слоями лежали разные тени. Даже положение упавшей пластинки приходилось сверять по трём соседним выступам.

Кир принёс свою запись. Далия попросила экран побольше и развернула панель на торце стола. Они смотрели стоя. За их спинами Тома грела еду, и слабый запах лука почему-то делал происходящее ещё более неприятным.

Марат появился, когда запись дошла до первого смещения плиты. Тома поставила перед ним тарелку, указала на стул и не стала выгонять.

На экране он сам медленно исчезал за спинами. Видно было только часть шлема и правую руку.

— Это Кир? — спросил он.

— Его камера, — ответила Агата.

— Дайте ту, которую я оставил.

Далия остановила просмотр.

— Тебе обязательно сейчас?

Марат посмотрел на неё, потом на тёмный экран.

— Там видно, что двигалось первым.

Камера у обхода продолжала передавать. В её свежем изображении лежала полоса неподвижной пыли. Далия открыла запись до аварии.

Оказалось, что плита начала наклоняться, когда Марат ещё стоял на открытом месте. Сначала из-под её края вышла тонкая светлая дорожка. Затем внизу осыпалось совсем немного материала. Верхняя кромка сдвинулась на такую малую величину, что Агата заметила это только после повторного просмотра, удерживая палец возле края экрана.

Потом Марат вошёл в обход.

— Я не задел её, — сказал он.

Никто не ответил сразу. Он взял ложку, посмотрел на неё и положил обратно.

— Я всё время думаю, что повернулся и сам...

— Нет, — сказала Далия. — Здесь видно.

Она прокрутила ещё раз. На этот раз Агата смотрела не на плиту, а на Марата рядом с собой. Он следил за медленной кромкой, подавшись вперёд, и постепенно переставал держать левое плечо приподнятым.

После разреза камера видела плохо: перед ней находились люди. Кир включил свою запись. Прорез, тёмная жидкость, застывшая на краю нить. Потом крупинки, выходящие из нижнего шва.

— Поставь рядом текущее, — попросила Агата.

На свежем кадре крупинок стало больше. Под раздвинутой частью лежал маленький язык светлого вещества. Медленно, почти незаметно он удлинялся к выемке внизу. Но до неё оставалось гораздо дальше, чем показывало плоское изображение.

— Оно всё ещё идёт, — сказал Кир.

— Куда? — спросила Далия.

Он наклонился к панели.

— Вниз.

Это было всё, что удалось сказать уверенно.

Тома раздала тарелки. Они сели вокруг экрана, и какое-то время Агата переводила взгляд с маленького белого языка в кадре на собственную еду. Потом выключила изображение.

Кир сразу потянулся к панели, но Далия придержала его запястье.

— Запись идёт. Поешь.

* * *

Ночью город занялся соседним гребнем.

Дрон успел снять его в сумерках, прежде чем вернулся на зарядку. Там, где утром были три низких выступа, теперь тянулась одна длинная складка. Материал с её дальнего конца сползал в промежуток между плитами, а на ближнем краю росло округлое утолщение.

На неподвижной камере всё происходило медленно. Агата успела вымыть посуду, проверить наружную кассету с инструментами, снова посидеть у Марата. Когда она вернулась, утолщение уже отбрасывало свою тень от служебной подсветки.

Выемка с пластинками оставалась прежней.

Вчера Агата хотела, чтобы наконец хоть что-нибудь в городе перестало меняться. Теперь неподвижность этого маленького места мешала смотреть на остальное.

Кир оставил на её экране изображение щитка. Высохшая тёмная полоса растрескалась. Под увеличением она состояла из плотно прилегающих мелких телец и вытянутых перемычек; сказать по одному изображению, что именно это было, он не мог. Подпись под снимком оказалась длинной и раздражённой. Последняя строка: «Нет, пока не клетки».

Агата улыбнулась впервые за вечер.

Она закрыла снимок. В текущем изображении плиты нить, выступавшая из прореза, удлинилась и коснулась противоположного края. Некоторое время держалась. Потом тонкая перемычка оборвалась, а её конец втянулся обратно.

Агата подалась к экрану.

Через одиннадцать минут это произошло снова.

На третий раз она позвала Далию.

Они не стали будить остальных. Далия села рядом, положив на стол чистую рубашку, которую несла из жилого модуля. Посмотрела весь сохранённый отрезок, а затем очередную попытку вживую.

На секунду возникло соединение. Под ним сдвинулась светлая крупинка. Край нити истончился и отпустил камень.

— Хочешь свести обратно? — спросила Далия.

— Хочу убрать разрыв.

— Это не совсем одно и то же.

Агата открыла вид сбоку, снятый дроном. Между двумя половинами плиты оставался просвет. Рядом чернели одинаковые наконечники распорок.

— Первую не трогаем. Она держит целую сторону. Вторую можно ослабить снаружи. Половина ляжет обратно на своё основание. В проход никто не заходит.

Далия провела пальцем по изображению.

— А если ночью оно сложится само?

— Тогда не пойдём.

— И если начнёт двигаться, пока мы там?

— Оставим.

Далия посмотрела на неё. Агата поняла, что произнесла последнее слишком быстро.

Она заставила себя ещё раз представить мокрую нить, которая не дотягивается до края, и людей, уходящих к машине.

— Оставим, — повторила она.

Далия подняла рубашку.

— Утром посмотрим. Сейчас спать.

— Я ещё один...

— Нет.

На этот раз Агата не стала спорить.

* * *

К утру плита не сложилась. Нить перестала выходить наружу.

Марат хотел ехать с ними, но его дыхательный блок лежал в рабочем модуле без рамы. Пока Артур проверял, выдержит ли восстановленное крепление полную нагрузку, надевать его было нельзя. Запасная перевязь годилась для возвращения, а не для нового выхода.

Он сел за панель управления камерами. Тома осталась рядом с ним и спросила, где включается съёмочная рамка. Вчера она не успела забрать её с открытой площадки.

— Там первая кнопка, — сказал Марат.

— Это надпись «первая» или самая левая?

— Которая большая.

— Всё понятно. Придумал человек, у которого по одной кнопке на прибор.

Агата оставила их разговаривать и пошла к выходу. Ей стало легче от того, что Тома сердится на устройство, а Марат может быть в этом виноват.

Далия сама повела машину. Кир сидел сзади рядом с закрытым ящиком; пустые крепления двух распорок были обведены на крышке оранжевыми линиями. Агата несколько раз смотрела на эти линии, прежде чем заставила себя отвернуться.

Перед спуском они дождались дрона. Он прошёл вдоль плиты снаружи, заглянул за неё и поднялся. Нового осыпания не было. Соседний гребень за ночь изменился, но оставлял открытый подход к наружной стороне повреждения.

Старое ребро перешли со ступенью. Далия поставила ящик так, чтобы он не стоял на влажной полосе. Кир развернул камеру, а Агата проверила обе распорки.

Нагрузка на второй уменьшилась за ночь. Под отведённой частью появился невысокий светлый валик, которого вчера не было. Он прилегал к основанию, но до края разреза не доходил.

Агата присела снаружи. Отсюда был виден прорез почти по всей длине. Она ожидала увидеть в нём нити или густую массу, но внутри оставалась только тусклая неровная поверхность.

— Начинаю, — сказала она.

Далия стояла в трёх шагах, откуда были видны верх плиты и свободный путь назад. Кир снимал сбоку. Марат смотрел их изображение в лагере.

Агата повернула привод второй распорки на малую величину.

Ничего не произошло.

Она уменьшила длину ещё немного. Наконечник освободился. Половина плиты осталась в прежнем положении, опираясь на выросший за ночь валик.

— Не идёт, — сказала Агата.

Кир посмотрел на неё, потом на прорез.

— Можно подтянуть?

Агата уже видела, как это сделать: ремень вокруг верхней части, тяга снаружи, несколько сантиметров до совпадения кромок. Она посмотрела на валик. На его поверхности лежали тонкие волнистые следы, такие же, как вчера у основания нового ребра.

Чтобы свести старую плиту, пришлось бы сначала раздавить то, что выросло под ней.

— Нет, — сказала она.

Слово далось удивительно трудно. За ночь она столько раз представляла соединённые края, что теперь они казались единственным правильным состоянием. Всё другое мешало его вернуть.

Марат молчал в наушнике.

Агата отвела пустую распорку. Кир принял её и положил в чехол. Первая осталась удерживать соседнюю часть.

— Тогда закончили? — спросила Далия.

— Подожди.

Агата показала на узкую щель над светлым валиком. Нижние кромки разреза стояли почти друг напротив друга; только верх половины был отведён. Здесь нити пришлось бы пройти совсем немного.

— Камеру ниже. Пусть остаётся на этом месте.

Кир опустил головку. В глубине щели что-то блеснуло.

Они отступили. Агате хотелось подойти снова: отсюда она уже не различала края щели. Далия и Кир стояли рядом. Перед ними — маленькая плита со странной подпоркой, дальше — город, уходящий до самого склона.

— Есть движение, — сказал Марат.

Она включила изображение на рукаве.

Тонкий блестящий край медленно вытягивался поперёк нижней щели. На этот раз ему не приходилось висеть в воздухе: он лежал на новой светлой опоре. Добравшись до противоположной стороны, край прижался к ней, потемнел, и по нему прошла первая крупинка.

Потом вторая.

Агата улыбнулась, не успев ничего подумать.

— Соединилось, — сказал Кир.

Она подняла голову к круглой выемке.

Пластинка лежала на боку. Прежде влажная полоса перед нею оставалась сухой. Агата ждала, глядя то на экран рукава, то вдаль, словно могла поймать одно и то же движение сначала здесь, потом там.

Но крупинки уходили в другую сторону. По новой перемычке, вдоль нижнего края, к ночному валику. Постепенно на нём становилось больше вещества.

— Может, не сразу, — сказал Кир.

Агата села на принесённую ступень. Далия разрешила ждать, пока дрон закончит следующий круг. Они провели у плиты ещё двадцать минут. Время оказалось длинным, но ничто в выемке не изменилось.

* * *

Когда Агата вернулась к машине, Марат попросил не отключать её камеру.

— Повернись чуть левее. Нет, сама оставайся. Только камеру.

Она навела её на круглый край выемки.

— Ещё ниже. Вот.

Некоторое время он молчал. Агата чувствовала, как пот остывает на пояснице. Хотелось вернуться в модуль, где можно снять всё с себя и перестать выбирать, на что смотреть.

— Что там?

— Ничего нового. Я сохраняю ракурс.

— Ты тоже ждёшь, что поднимется?

— Да.

Она удержала камеру неподвижно. Потом в наушнике тихо щёлкнуло: он закончил запись.

Далия уже сидела за управлением. Кир закреплял чехол с возвращённой распоркой. Агата поднялась в машину и посмотрела на пустое второе крепление.

Никто не предложил ей утешительного объяснения.

На обратной дороге машина пересекла собственные вчерашние следы. Один проходил по сухой пыли, второй заканчивался на низкой светлой полоске, перерезавшей колею. Далия остановилась, объехала её по открытому камню и поехала дальше.

Агата заметила, что Кир продолжает смотреть назад.

— Что?

— Вчера её не было.

Она оглянулась. Полоска была узкой, не выше ботинка. С одного конца она соединялась с городским гребнем. Другой уходил вверх, вдоль края их пути.

В сторону лагеря.

Глава 5. Неправильное жильё

Днём Агата сделала дом.

Он получился из упаковки для чистых салфеток: длинная крыша, два загнутых бока, дверца, которую пришлось вырезать маленькими ножницами. На окна материала не хватило. Когда она поставила дом на стол, он сразу завалился, и Агата подперла стену солонкой.

Тома наблюдала за ней с другого конца общего отсека.

— Хорошо, что нас привезли в готовом, — сказала она.

— Я проверяю одну вещь.

— Это тебя не оправдывает.

Агата передвинула дом под светильник. За дверцей легла тень. Она повернула крышу, наклонила стену и посмотрела с того ракурса, с какого вчера видела странные полосы на гребне.

Тома подошла ближе.

— Не получится.

— Почему?

— Ты уже сделала внутри и снаружи. А я не знаю, есть ли там внутри.

Агата остановилась с ножницами в руке. Потом вырезала дверцу целиком, развернула стену и положила её на стол. Дом перестал быть домом; зато появились две хорошо различимые полосы света.

— Вот, — сказала Тома.

Они провозились с упаковкой почти час. Тома хотела понять, почему светлый след остаётся там, где раньше кончалась тень. Агата пробовала наклонять и перекрывать поверхности. Ничего похожего на вчерашний гребень у них не вышло, но к концу на столе стояла смешная система бумажных крыльев, и каждая могла объяснить другой, какого именно результата не хватает.

Марат вошёл с новой скобой в руке.

— Это уже город?

— Нет, — сказала Агата. — Это пока беспорядок.

— Значит, узнаваемо.

Он положил скобу возле ножниц, приподнял развёрнутую стенку и подогнул её под оставшийся угол крыши. Дом снова встал.

Тома забрала солонку.

* * *

Светлая полоса на дороге закончилась задолго до лагеря.

Узнав это, Агата почувствовала разочарование, которого немедленно устыдилась. Дрон пролетел вдоль колеи до самого плато. Из города поднимался низкий гребешок; выше он становился тоныше, распадался на отдельные ободки и пропадал под пылью. Дальше лежала обычная открытая поверхность, по которой они уже ездили.

Марат наложил утренний маршрут на свежий снимок. Агата сидела рядом, Тома вернулась к своим полосам.

— Вот здесь ты остановилась, — сказал он. — А вот здесь оно кончается.

— Покажи без линии.

Он убрал маршрут.

В пыли виднелась неглубокая ложбинка. Отдельные светлые ободки лежали по обеим её сторонам, словно у сухого ручья, давно потерявшего воду.

— Это было до посадки? — спросила Агата.

Марат нашёл старый снимок. Ложбинка была. Ободков Агата не различила, как ни меняла масштаб.

— Далеко, — сказал он. — Могли быть.

Далия присоединилась к ним. Некоторое время смотрела, затем попросила продолжить линию ложбинки, сохраняя старый снимок рядом с новым.

Ложбинка тянулась к плато. Вверху становилась мельче, но не исчезала совсем: её пересекал белый прямоугольник их наружного настила.

— Я считала это стоком, — сказала Далия.

Она произнесла без раздражения, но Агата услышала, как изменился её голос.

— Может, так и есть, — ответил Марат.

Далия попросила дрон снять место под настилом. Тот развернулся над лагерем, опустился сбоку и прислал изображение трёх опорных ножек, светлой пыли и тёмной полосы под кромкой.

Изображение было слишком косым. Уверенно узнать в полоске можно было только тень.

— Поднимем секцию, — сказала Далия.

Агата встала.

— Я выйду.

— Со мной. Кир, посмотришь нам под ноги.

Марат машинально потянулся к своему месту у выхода, но остановился. Новая скоба всё ещё лежала на столе.

— Камера на правой стойке, — сказал он Агате. — Я поверну.

* * *

Наружный настил соединял выход из общего модуля с ровной площадкой, на которой они снимали грязные чехлы перед очисткой. Он состоял из отдельных решётчатых секций на регулируемых ножках. При посадке их ставили так, чтобы не тащить пыль с земли в каждый шлюз. У рабочего и медицинского модулей были свои выходы; туда пока вели короткие лестницы.

Теперь Агата смотрела на этот полезный земной предмет с неожиданной неприязнью. Достаточно было поставить пол, и всё под ним стало казаться несущественным.

Далия сняла фиксатор ближней секции. Они подняли её за два края и закрепили вертикально у боковой стойки. Кир присел на площадке сбоку, не ступая в открывшийся промежуток.

Под настилом было чисто.

Пыль осталась только вокруг ножек. Между ними лежала серая поверхность, более гладкая, чем на свободном участке. Посередине тянулась тонкая щель с влажным дном.

— Это наша вода? — спросила Далия.

Агата оглянулась на модуль. С этой стороны не было ни выпуска, ни крана. Круглый контейнер для наружных стоков стоял дальше, у рабочего отсека, и оставался закрыт.

— Здесь ничего не сливали.

— Конденсат?

Кир провёл камерой вдоль нижней поверхности решётки.

— На решётке сухо.

Марат повернул наружную камеру. В их общих экранах появились три человека, поднятая секция и полоска открытого грунта. С высоты всё выглядело совсем небольшим.

Агата опустила прибор к краю щели. По её дну лежали влажные зёрна. Одно медленно повернулось, показав тёмную сторону, и сдвинулось под соседнее.

— Кир.

— Вижу.

Он смотрел на собственное изображение. Агата заметила, как он упёр локоть в колено, чтобы удержать камеру неподвижно.

За их спинами раскрылся внешний экран рабочего модуля. На нём появилось лицо Артура.

— Отойдите от ножи, — сказал он. — Не этой. Дальней.

Далия отступила. Агата повернула голову.

Под круглой пятой опоры лежала светлая кайма. По одну сторону она была толще, а по другую исчезала. Сама ножка пока стояла ровно.

— Если её поведёт, соседняя секция просядет, — сказал Артур. — Модули отдельно, с ними всё в порядке. Но проход отсюда уберите.

Далия посмотрела на свободный камень справа от выхода.

— Перенесём туда.

Это оказалось тяжелее, чем Агата ожидала. Сначала пришлось освободить грязную площадку, переставить контейнеры, затем поднять ещё две секции. Кир держал край, Далия переносила ножки по одной, Агата следила, чтобы крепление не легло на влажную щель. На новом месте камень был выше, и длины одной ножки не хватало. Пришлось менять её с дальней.

Марат видел всё с камеры и подсказывал, где лежат нужные фиксаторы. Один оказался в кармане Далии. Она нашла его после нескольких безуспешных поисков в ящике, показала в камеру и коротко выругалась.

Агата рассмеялась. От напряжения смех вышел слишком громким, но Далия тоже улыбнулась.

Когда они закончили, к выходу вёл новый настил, смещённый в сторону. Прежнее место оставалось открытым. Там были видны три круглых отпечатка опор и влажная линия между ними.

Далия забрала пустой контейнер, который кто-то оставил у самой щели.

— Пусть теперь снимает без нас.

* * *

Кир принёс к ужину рисунок.

Он сделал его на свободном обороте упаковочной карточки: пять округлых пятен, соединённых короткими линиями. Вокруг стояли стрелки. Агата узнала лагерь не сразу, потому что одно пятно было лишним — общий отсек он изобразил дважды, в плане и в боковом виде, не отделив одно от другого.

— Вот это у них может выглядеть так же, — сказал Кир.

— У кого? — спросила Тома.

— У того, что там строит.

Марат придвинул рисунок к себе.

— А это зачем?

— Это сбоку.

— Тогда хорошо. А то мы одно помещение всё время не посещаем.

Кир забрал карточку. Агата поняла, что он расстроился, и попросила объяснить.

Он показал короткие линии. Переходы, общий центр, отдельные объёмы. Если местные видят только форму, они могут не понимать, что люди переходят внутри. Снаружи одна связанная постройка появляется на пустом месте; после этого из неё регулярно выходят маленькие отдельные части.

— Мы для них можем быть тем, что отделяется от лагеря, — сказал он.

Тома посмотрела на дверь жилого модуля.

— И возвращается.

— Да.

Агате понравилась мысль. Настолько, что она сразу представила, как можно было бы показать другое: поставить прозрачный переход, оставить видимыми движения людей, отделить человека от его оболочки...

Потом она посмотрела на карточку. Четыре пятна, ещё одно сбоку. Даже Кир не сумел изобразить их так, чтобы Марат понял без объяснения.

— А может, мы просто затенили щель, — сказала она. — И там стало мокро.

Кир отложил карточку.

— Я не говорю, что доказал.

— Я знаю. Я уже сама начала прозрачный коридор строить.

Он улыбнулся. Тома взяла рисунок, перевернула карточку и только тогда вспомнила, что чистой стороны больше нет.

Марат закончил есть первым. Встал, подошёл к окну общего отсека и постоял там, глядя на ровную площадку за модулями.

Агата подошла к нему.

Посадочный аппарат стоял отдельно, выше по склону. Его широкие опоры сохраняли глубокие тёмные тени. Между ним и лагерем не было ни светлых ободков, ни ложбинки; лежала целая плоская плита естественного камня, выбранная ещё при посадке.

— Ты теперь всё время смотришь на него? — спросила Агата.

— Проверяю, что ещё узнаю.

Он ответил легко, но не повернулся.

Агата прислонилась плечом к стене. Ей хотелось, чтобы Марат пошутил, а она ответила. Он не стал.

— Я не хочу сейчас вниз, — сказал он.

— Тебе пока и нельзя.

— Это удобно.

Она ждала.

— Когда починят раму, уже будет неудобно.

За окном Артуров дрон — так они стали называть аппарат, которым он управлял с корабля, — медленно опустился к зарядной площадке. Сначала замер над ней, потом точно сел на четыре маленькие опоры. Марат следил за ним до самого конца.

Агата хотела сказать, что они никуда не пойдут, пока он не будет готов. Но это было неправдой. Далия пойдёт, Кир пойдёт, и сама она тоже.

— Я могу завтра вести машину, — сказала она.

Он наконец посмотрел на неё.

— Ты же не умеешь парковаться.

— Здесь достаточно места.

— Здесь вчера тоже было достаточно места.

Агата опустила взгляд. Марат вздохнул.

— Прости. Плохая шутка.

— Нет. Хорошая. Просто я ещё не готова.

Он коснулся её запястья двумя пальцами. Очень коротко. Она осталась стоять рядом, когда он убрал руку.

* * *

В третью ночь Агату разбудила Тома.

— Там для нас что-то построили, — сказала она.

Агата села слишком резко и ударилась затылком о край полки. Тома подождала, пока она выругается, затем добавила:

— Не знаю, для нас ли. Кир уже назвал.

В общем отсеке было светло. Далия стояла у панели, Марат сидел перед ней, держа на коленях собранную раму. Кир выводил на экран изображение бывшего настила.

Там поднимались три невысоких кольца.

Каждое охватывало место, где раньше стояла опорная ножка. С одного края кольца были соединены тонким общим бортиком. Внутри лежали светлые поперечины, расположенные на разной высоте. Самое близкое к модулю кольцо уже поднялось до щиколотки; дальнейшее едва выступало из пыли.

— Комнаты, — сказал Кир, увидев Агату.

Она присела перед экраном. Сначала ей и самой показалось, что она видит маленький дом: три отсека, переходы между ними, стены. Она почти начала искать вход.

Затем заметила поперечины.

Если увеличить постройку до человеческого размера, поперечины перегораживали бы предполагаемые комнаты на уровне груди. В соседнем кольце середину пересекала ещё одна стенка. Ни стоять, ни сидеть внутри было бы невозможно.

— Неправильное жильё, — сказала Агата.

— Для нас, — ответил Кир.

— А почему ты решил, что это жильё?

Он не ответил. Марат повернул раму, опирая её на здоровую руку.

— Потому что мы здесь живём.

Агата посмотрела на него. Он говорил о них обоих, не поправляя Кира.

Далия переключила на широкий вид. Рядом с тремя кольцами лежала прежняя щель. Теперь вдоль неё тянулся низкий желоб, а земля по краям стала неровной, будто с неё сняли тонкую корку. В ускоренной записи было видно, как небольшие кусочки проходят по желобу, останавливаются и встраиваются в растущую кромку.

Местами материал приходил снизу, из той самой щели.

— Это не прошло по дороге от города за два часа, — сказала Агата. — Оно было здесь.

Далия молчала. На плане лагеря рядом с её рукой оставались четыре простых прямоугольника и чистое пространство вокруг.

Тома потянулась за своей съёмочной схемой, затем остановилась.

— Посмотрите на тени.

Служебный светильник освещал кольца сбоку. Поперечины оставляли на их внутренних стенках череду тёмных полос. Там, где тень кончалась, материал блестел сильнее.

— Похоже на вчерашнее, — сказала Агата.

— Надо переставить свет.

Далия посмотрела на часы, потом на Марата.

— Поворотный?

Он поставил раму на пол и открыл управление. Световой круг медленно ушёл вправо. Тени внутри колец изменились.

Агата ждала, что блеск тоже сдвинется. Он остался на прежнем месте.

Кир присел рядом с ней. Они смотрели на неподвижную полосу, пока в соседней части кольца поднималась новая крупинка.

Через несколько минут яркость стала слабеть.

Тома взяла Агату за плечо.

— Вот это я видела. На гребне.

Агата кивнула, не отрываясь от экрана. Слишком медленно для обычного отражения. Слишком быстро для совсем неизменной поверхности. Она не знала, что делать с этим промежуток, но теперь он принадлежал им: они могли повернуть свет и получить его снова.

Марат вернул светильник.

На экране кольца опять стали похожи на маленькие комнаты.

— Назад не надо было, — сказала Тома.

— Почему?

— Я ещё не досмотрела.

Он снова повернул свет. Тома придвинула к себе управление и больше его не отдала.

* * *

До утра никто не вышел наружу.

Далия оставила на дежурстве себя и Кира. Агата долго не могла улежся: стоило закрыть глаза, как возникали маленькие кольца с поперечинами. Она представляла их то комнатами, то тремя раскрытыми ладонями, то деталями большого прибора. Каждый образ сразу предлагал действие. В комнату можно войти, ладонь пожать, прибор включить. И каждое действие, скорее всего, было бы нелепым.

Она встала и сняла со своей полки бумажный дом, который принесла после дневного опыта.

У него была крыша. Уже одно это казалось чрезмерно уверенным решением.

Агата поставила дом на пол. Легла снова и на этот раз уснула.

Утром наружная дверь открылась только после того, как Далия и Кир через соседний выход переставили секцию настила у порога.

Ночью на ней поднялся один угол. Пока это было несколько сантиметров, но край решётки упёрся в нижнюю часть открывавшейся наружу створки. Рядом вырос светлый клин, плотно охвативший крайнюю ножку.

Далия показала Агате снятую секцию уже снаружи. Марат стоял возле них в проверенной защите с починенной рамой. Он не ушёл от входа далеко, но вышел сам.

— Мы перенесли, — сказала Далия. — Оно дошло и туда.

Агата посмотрела на клин. От трёх колец к нему тянулась узкая полоска. У самого модуля она загибалась, огибала опору и снова уходила к щели.

— Обошло, — сказал Кир.

— Что?

— Нашу ногу. Опору.

Он наклонился. Не коснулся, только проследил камерой изгиб. Агата видела, что ему хочется улыбнуться.

Ей тоже хотелось. На поверхности незнакомого мира что-то заметило предмет, оставленный ими, и изменило своё движение. Даже если это было так же просто, как корень, обогнувший камень, она не могла отнять у себя радость.

Но позади стояла дверь, которую утром не сумели открыть.

Марат опустил на ступень переставленного настила. Агата села рядом, оставив между ними ящик. За три ночи у её ног возникло место, которого не было ни на одной карте, привезённой с Земли. Внутри самого большого кольца перемещалась маленькая светлая пластинка. Поднялась одним краем, легла снова, затем сдвинулась вдоль поперечины.

Агата замерла.

Там, внизу, пластинка лежала на боку. Здесь другая продолжала двигаться.

— Видишь? — спросила она.

Марат кивнул.

Они ещё не знали, связано ли одно с другим. Между двумя местами лежало плато, и под ним было то, чего не показала ни одна их камера.

Кир позвал Агату к щели. Он держал щиток с засохшим следом в закрытом контейнере и показывал на светлый край возле ножки.

— Мне нужна ещё одна проба, — сказал он. — Отсюда. Пока не высохло.

Глава 6. Сухой шов

Далия не дала Киру взять пробу сразу.

Сначала они убрали всё, что оставалось на открытой площадке: чистые контейнеры, пустой ящик, запасные ножки настила. Марат перегнал машину выше, к посадочному аппарату. По той же дороге Далия и Агата перенесли две укладки с аварийным запасом.

Путь был свободен. Солнце стояло над плоским краем плато; отсюда маленькие кольца возле лагеря почти не различались. Агата поставила укладку у опоры аппарата и долго распрямлялась. Спина болела после вчерашнего переноса секций.

— Всё это можно было оставить, — сказала она.

Далия подтянула ослабший ремень на второй укладке.

— Можно было.

— Я не спорю.

— Я тоже.

Они посмотрели вниз. У рабочего модуля Кир стоял на прежнем месте и терпеливо держал закрытый контейнер.

— Он сейчас решит, что ты запрещаешь, — сказала Агата.

Далия подняла укладку на сухой выступ у опоры.

— Он подождёт. Я хочу, чтобы к вечеру здесь лежало всё, без чего мы внизу сможем обойтись. А под модулями стояли камеры. Не только перед ними.

— Сверху не видно опоры рабочего. Там кожух.

— Значит, снимем кожух.

Агата кивнула. Далия помолчала, переключила связь на разговор вдвоём и посмотрела на неё.

— Если начнёт двигаться основание самого модуля, к нему уже не полезем. Выйдем и останемся здесь. Я не буду ждать, пока у нас получится второй Марат.

Она сказала это тихо. Марат был неподалёку, у машины, но в общий канал фраза не ушла.

Агата посмотрела на белые цилиндры. Внизу остались её одежда, незаконченный рисунок, записи, горячая вода. Она уже успела привыкнуть, что там можно всё с себя снять.

— Пойдём за пробой, — сказала она.

* * *

Свежий материал нашёлся у снятой ножки.

Ночью клин охватил её круглую пятую. Когда Далия и Кир освобождали настил, от края отделилась тонкая чешуйка. Они не стали выковыривать остальное; ножка теперь лежала на наружном лотке, а чешуйка осталась рядом с новым кольцом, на влажной поверхности.

Кир показал её Агате.

— Вот эту. Внутри ещё темно.

Он приготовил маленькую кассету с прозрачными стенками и двумя тонкими захватами. Внутри оставалось место для частички материала и воздуха вокруг неё. При закрытии кассета должна была сохранить и то и другое, не прижимая образец к стеклу.

Агата присела рядом. Чешуйка лежала в стороне от потока крупинки. По нижнему краю блестела тёмная полоска; верх уже стал матовым.

— Возьмёшь за сухое? — спросила она.

Кир кивнул.

Пальцы захвата сомкнулись на самом кончике. Чешуйка поднялась, и под ней открылось тёмное влажное пятно. Оно не потянулось вслед. По краю осталась узкая каёмка.

Кир ввёл образец в кассету. Закрыл, перевернул так, чтобы чешуйка легла на внутренний держатель, и убрал захваты.

— Есть.

Агата поняла, что до этого момента почти не дышала. Никакого звука из кольца не пришло, ничего не метнулось к её руке. На другом краю своей поперечины маленькая пластинка продолжала двигаться так же медленно, как раньше.

Кир смотрел только на кассету.

Она хотела пойти за ним, но Далия позвала к рабочему модулю. Нужно было снять нижний кожух.

* * *

Внутри общего отсека на всех поверхностях лежали вещи.

Тома разбирала медицинский запас: одну часть укладывала в переносной комплект, другую оставляла для сегодняшней работы. На краю стола лежал Маратов ремень. Он пытался понять, можно ли вернуть его к прежней длине после того, как на нём несли дыхательный блок.

Агата сняла наружную защиту, вымыла руки и отыскала среди укладок свой планшет. Кир прислал короткое сообщение: «Жду».

До рабочего модуля было несколько шагов по закрытому переходу. На полпути она остановилась. За прозрачной перегородкой, в наружном отсеке, стояли маленькая кассета с чешуйкой и большой контейнер со щитком. Кир мог открыть их внутри изолированного бокса, не перенося в рабочее помещение. Он сидел перед экраном, управляя держателем через стенку.

Он не обернулся.

— Иди сюда.

Агата встала за его плечом.

На экране лежало нечто похожее на спутанный шов ткани. Толстые светлые края, тонкие соединения, тёмные полости. Изображение было объёмным, и Кир медленно поворачивал его, оставляя в центре один из закрытых промежутков.

Внутри что-то изменилось.

Сначала Агата решила, что он опять увеличивает. Потом увидела, что светлые кромки неподвижны. Менялась только вытянутая тёмная часть между ними. Она сужалась посередине.

— Давно? — спросила Агата.

Кир поднял палец, не отрываясь от экрана.

Перемычка истончалась. По обе стороны оставались два тёмных тела, похожих по форме, но разных по величине. Одно сместилось к краю полости. Между ними возник тонкий светлый промежуток.

Меньшее тело остановилось. Большее продолжало медленно менять очертания.

Кир выдохнул.

— Я видел такое в соседней полости. Там раньше началось.

Он вывел вторую запись. Агата посмотрела время: запись была сделана, пока они снимали кожух. Там вытянутая часть тоже разделялась, но получившиеся тела оставались соединёнными тонким отростком.

— А это что? — спросила она, указав на него.

— Не знаю. Может, не закончилось. Может, так должно быть.

Голос у Кира звучал совсем не так, как за ужином. Он почти не менял высоты, словно боялся потратить слишком много сил на разговор.

Он показал Агате край свежего образца. На одной его стороне тёмные тела были плотно прижаты друг к другу, на другой оставались промежутки. В них двигались маленькие светлые включения. Часть исчезала у поверхности тёмных тел; через некоторое время в другом месте возникали более мелкие частицы и отходили к краю.

— Я сначала думал, просто перегоняют зёрна, — сказал Кир. — Но смотри. Вот этот кусок уже не выходит обратно таким же.

Он провёл запись медленнее. Агата следила за включением до тех пор, пока оно не пропало из вида.

— Ты уверен, что оно не ушло глубже?

— Здесь — нет. Поэтому есть ещё один ракурс. И этот же участок по составу.

Кир переключил изображение. Рядом появились цветные области; он сразу убрал лишние подписи и оставил две, которые Агата узнала. Химический состав вещества у входа и у выхода различался.

— Оно тратит запас, — сказал он. — Даже отдельно. Пока хватает того, что осталось внутри чешуйки.

Агата посмотрела на кассету за перегородкой. В ней лежал серый обломок, слишком маленький, чтобы различить голым глазом хоть что-нибудь из показанного.

— Сколько он протянет?

— Не знаю.

Кир наконец повернулся к ней.

— Агата, это живое.

Он сказал очень просто, и она вдруг почувствовала обиду на саму себя: столько дней ждала этих слов, а когда услышала, первым делом подумала о сроке, на который хватит содержимого кассеты.

— Позови остальных, — сказала она.

* * *

Тома попросила показать всё с начала.

Марат сел на край свободного стула, Далия осталась стоять. Эмма и Артур смотрели с корабля; их маленькие изображения помещались сбоку, и Агата несколько раз ловила себя на том, что забывает о них.

Кир повторил записи. На этот раз он говорил быстрее. Оболочки, внутренний обмен, превращение вещества, разделение, повтор в соседней полости. Два участка не вели себя совершенно одинаково, но показывали один и тот же порядок изменений.

В конце он вывел высохший след со щитка.

Агата невольно подалась вперёд.

Те же светлые края. Те же полости, теперь сплюснутые, потерявшие тёмное содержимое. В одном месте проходила длинная трещина. Кир медленно передвинул изображение вдоль неё.

— Вот что получилось, когда высохло.

Никто не заговорил сразу.

Эмма спросила первой:

— Мы узнаем это на защите?

Кир поднял голову к её изображению.

— По остаткам структуры — возможно. Живое по одному пятну не определяю.

— А очистка, которой уже пользуемся?

Он посмотрел на щиток.

— У нас нет проверки именно на этом материале. Тот след не проходил очистку. Я оставил его отдельно.

Тома кивнула.

— Тогда наружные комплекты продолжают жить снаружи. И мне нужны смывы с чистой стороны перехода. С мест, которых мы касаемся после выхода.

Кир уже открыл список пустых кассет.

Марат остановил его рукой.

— Подожди. Мы нашли жизнь на другой планете. Можно минуту просто на неё посмотреть?

Кир замер.

Агата засмеялась. Не громко, без облегчения после страха — просто потому, что Марат сказал то, чего ей самой не хватило.

Далия пододвинула себе стул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.